

наверное, придерживается того, чего придерживались древние евреи, — “образ заменяет собой мысль”, — а потому-то в его стихах мысль надо искать днем с огнем и всяческими догадками», — вот мнение одной из студенток.

Студенческий профком заботился и о культурном досуге студентов: организовывал массовое распространение билетов в театры и кино. По данным профкома, каждый студент в среднем за учебный год 5–6 раз посещал ленинградские театры и 12 раз кино.

Но все же главным делом студентов, при таком многообразии общественной, политической и творческой жизни, была учеба. Это были не только обязательные к посещению занятия, но и активная вовлеченность молодых людей в научную деятельность, и на довольно серьезном уровне. В 1927 г. образовался институт «выдвиженцев» — лучших студентов, увлекающихся наукой, ведущих активную общественную работу. Например, на химическом факультете такие студенты обязательно занимались в кружке, где заслушивали научные доклады. Выпускали газету «Электрон», собрали специальную библиотеку по химии и совершали экскурсии на химические заводы. Дипломные работы приравнивались к научным исследованиям, темы были исключительно экспериментальными. В 1929 г. студенты выполняли дипломную работу по химии для завода «Красный выборжец», имевшую практическое применение в работе завода. После отмены дипломных работ лучшие студенты выполняли исследования вне учебного времени. Отличники отмечались приказом ректора по институту.

Вот так — порой трудно, но интересно и весело жили, учились, готовили себя к новой жизни первые поколения студентов-герценовцев, преодолевая временные трудности, надеясь на лучшее завтра. Тогда они еще не знали, что их вместе со всей страной ожидают тяжкие испытания и большие перемены.

*Е. О. Путилова,
профессор кафедры детской литературы*

ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА КАК ЦЕНТР КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Мысль о создании совершенно еще небывалой — показательной библиотеки впервые появилась у Ольги Иеронимовны Капица* в 1913 г., если судить по небольшой публикации в журнале «Новости детской литературы» (1913–1914 гг. № 1). Ядром для новой библиотеки стали три собрания: книги из Подвижного музея учебных пособий при Технологическом обществе, книги из фондов журнала «Что и как читать детям» и библиотека закрывшегося к 1918 г. Учительского союза. К 1919 г. можно уже было говорить об открытии показательной библиотеки: помещение, средства, всяческое содействие предоставил Педагогический институт дошкольного образования. К тому времени библиотека насчитывала 11 тысяч томов. Страницы архива О. И. Капица дают подробное описание фонда библиотеки, разнообразной по различным областям культуры и знаний, а также всех помещений (и книгохранилища, и читальни, и аудиторий для занятий со студентами), сведения о штатном расписании. Все это очень важно, но, конечно, еще важнее понять суть того, что подразумевала Ольга Иеронимовна Капица под самим понятием «показательная библиотека», какую цель она ставила, создавая эту библиотеку.

В отличие от чисто *практических* задач, стоящих перед любой, даже высококвалифицированной библиотекой (как то: подбор лучших книг для педагогической практики, помощь в подготовке студента по определенным областям знаний, создание библиографических указателей и т. д.). Показательная библиотека ставила перед собой гораздо более широкую задачу — *научное изучение детской литературы*. Выдвигая это положение, Капица дает теоретическое обоснование необходимости научно-организованной детской библиотеки.

Утверждая, что научное изучение детской литературы невозможно без специальной библиотеки, Капица обосновала роль библиотеки в этом процессе. Фонд библиотеки должен был открывать широкие возможности изучения не только самой детской литературы, но предполагал связать это изучение с работой над исследованием других отраслей знаний: психологии, фольклора, истории литературы, пе-

* Капица Ольга Иеронимовна (1866–1937) — видный исследователь детского фольклора и круга детского чтения, основатель кафедры детской литературы в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, а также специальной показательной библиотеки детской литературы.

дагогике, проблем эстетического воспитания. В этом комплексном, в какой-то мере экспериментальном подходе, экспериментальной программе и выявлялось, а по выражению автора программы, «выдвигалось значение *теоретических вопросов* в области детской литературы».

План, намеченный автором для работы показательной библиотеки, а именно здесь Капица видела базу, фундамент для решения всех экспериментальных задач, был детальным и необычно широким и увлекательным. Сюда входило изучение детской литературы и создание курса лекций по детской литературе: это была одна из важнейших задач. Но не менее необходимым представлялись собирание материала по психологии детского чтения, работа по изучению иллюстраций детской книги, устройство докладов, лекций по различным проблемам и на разных языках (французском, английском, немецком). К важному разделу относилась учеба по составлению библиографии книг и библиографических указателей. Именно в стенах библиотеки должны были проводиться опыты творческого характера: к ним относились статьи по вопросам детского чтения и редактирование статей, создание различных вариантов практических работ. Все это должно было сопровождаться протоколами, обсуждениями, дневниками, фиксирующими жизнь библиотеки, привлечением интересных людей с воспоминаниями о детстве. По существу решались важнейшие вопросы: какие книги нужно собирать, что культивировать, какое дать направление преподаванию детской литературы, ее изучению, литературной критике. Отдельно стоял вопрос о подготовке специалистов дошкольного, школьного и внешкольного уровней и работников детских библиотек. Капица рассчитывала создать библиотеке популярность, сделать ее необходимой базой для экскурсий, запросов, обращений из других институтов и других городов. В понимании читающего эту программу сегодня, естественно, возникает представление о библиотеке со многими аудиториями, с огромным читальным залом, с большим штатом, со специальным оснащением этого уникального проекта. Думается, проект этот предполагал отвести под библиотеку или отдельное здание, или большое помещение.

Любопытно посмотреть в свете этих огромных замыслов на предполагаемый фонд детской книги, на то, какой представлялась Ольге Иеронимовне книжная культура библиотеки. И здесь мы снова удивимся широте, непредвзятости ее вкусов, *независимости ее суждений* от весьма суровых требований времени.

Для определения книжного фонда библиотеки О. И. Капица предложила прежде всего прислушаться к этическим и эстетическим «запросам детского духа». В разные эпохи детства, писала она, эти запросы неодинаковы, и литературные произведения должны соответствовать той или иной ступени развития ребенка: вот здесь-то и будет так важна экспериментальная работа по исследованию интересов детского чтения. Как же она представляла себе круг детского и подросткового чтения? Нас ждут явные сюрпризы, если учесть, что речь шла о 1922–1923 гг. Естественно, ратуя постоянно за пополнение библиотеки новыми книгами, она считала необходимым иметь полные собрания сочинений для детей Марка Твена, Майн Рида, Фенимора Купера, Жюль Верна, Стивенсона, Эмара. Но ведь мы знаем, что эти собрания существовали только в дореволюционных изданиях М. О. Вольфа или Девриена — те самые книги с золотым обрезом, в красных переплетах (как не вспомнить тут стихотворение Марины Цветаевой «Книги в красных переплетах»), книги, которые напоминали самые дивные годы детства (О золотые времена, / Где взор смелей и сердце чище! О золотые имена: / Гек Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!) Книги могли быть и в зеленых переплетах, не в этом дело. Капица высказала неслыханное по тем временам желание! Мало того: она хотела, чтобы дети читали не только эти книги, но и сыщискую литературу «с ее горячим Шерлоком Холмсом, Пинкертоном», чтобы были Макс и Мориц, «Степка-Растрепка» «Гоша — долгие руки», чтобы на книжных полках стояли рыцарские романы и романы приключений. «Никакие художественные и горячо рекомендуемые книги не могли конкурировать с этой литературой. Литература эта не только увлекала, но обладала магической силой». Она вызывала подражание в играх, возникали идеалы, стремление и интерес к героическому, к романтическим приключениям. Ольга Иеронимовна дорожила попавшими в библиотеку старыми изданиями «Робинзона Крузо», «Маленького лорда Фаунтлероя», «Хижины дяди Тома» и т. д. Видимо, она не догадывалась, какое возмущение, вплоть до приказа об изъятии, вызвали бы находившиеся в библиотеке комплекты дореволюционных журналов, таких как «Задушевное слово», «Малютка», «Тропинка» и т. д., издания книг В. Желиховской, Е. Тур, П. Засодимского, страшно выговорить — Л. Чарской! Ведь это все были запрещенные журналы и книги, которые согласно (привожу мало известный документ) «Инструкции политико-просветительского отдела Наркомпроса о пересмотре каталогов и изъятии устаревшей литературы из общественных библиотек» (М., 1920) должны были быть просто из библиотеки выброшены! «Инструкция» состояла не только из этих нескольких строк, но представляла собой толстую книгу, где

в алфавитном порядке, начиная с Аксакова и кончая Шекспиром, были перечислены лучшие книги русской и мировой литературы как устаревшие и ненужные для пролетарского читателя. Все, что собрала и хотела собрать в показательной библиотеке Капица, подлежало изъятию. Какое счастье, что Ольга Иеронимовна не обращала никакого внимания ни на инструкцию, ни на окрики других ведомственных учреждений. Какое чудо, что эти издания во многом находятся и сегодня в нашей библиотеке детской литературы. Без этих изданий не только не могли бы осуществиться многие научные и литературоведческие работы исследователей детской литературы, но и потеряли бы значимую наглядность многие курсы лекций: ведь только благодаря этому, уже раритетному фонду библиотеки, студенты имеют возможность реально знакомиться с первыми книгами по истории и теории детской литературы, держать в руках первые энциклопедии, первые указатели, старинные журналы.

Вернемся к программе показательной библиотеки. Завершая ее текст, О. И. Капица обращается к деятелям высшей школы (1922), прямо указывая на то учреждение, которое должно полностью взять на себя выполнение программы. Цитирую: «Педвуз им. Герцена поставлен в такие условия, которые обязывают его взять на себя ведущую роль в деле научной постановки преподавания молодой и мало разработанной дисциплины — детской литературы... Показательная библиотека детской литературы Института Герцена, основанная в 1919 г. (и насчитывающая 35 000 томов), является сейчас богатейшим книгохранилищем в Ленинграде и одной из самых крупных библиотек Союза и, по существу, *центром книжной культуры*».

Жизнь библиотеки детской литературы за эти многие десятилетия, ее судьба, ее нынешнее состояние требуют отдельного серьезного разговора. Но об одном ее бесспорном и *непреходящем* и, можно сказать, великом достижении надо напомнить сегодня. В самом начале 1920-х гг. показательная библиотека обратилась к небывалому еще делу: в ее стенах возник кружок детской литературы. Его участниками стали аспиранты, преподаватели, студенты. Собирались в большой комнате, разогревалась буржуйка, все усаживались вокруг стола, в центре которого было место Ольги Иеронимовны. У кружка был секретарь — Екатерина Петровна Привалова, она вела подробные протоколы каждого заседания (к сожалению, все эти протоколы находятся в ее архиве, а архив — в рукописном отделе Института русской литературы, он до сих пор не разобран). Работа кружка велась, вероятно, настолько интересно, что в эту уютную комнату стали все чаще приходить люди, занимающиеся литературой. Приходили люди старшего поколения — любимая тетка А. Блока М. А. Бекетова, известный педагог и исследователь детской книги М. Л. Толмачева. Но больше всего со своими первыми стихами, первыми рассказами в эту «открытую для всех калитку» входили молодые: Наталья Дилакторская, Елена Верейская, Евгений Шварц, Виталий Бианки (он, кстати, пришел со стихами), Борис Житков, Елена Данько. На заседаниях кружка читали свои стихи Корней Чуковский, Самуил Маршак.

История этого кружка — отдельная тема, скажу только о новом повороте в его жизни. В 1922 г. в Петроград, в качестве заведующего литературной частью ТЮЗа приехал С. Я. Маршак. Он узнал о существовании кружка и понял, что именно там он найдет необходимую и пока совершенно неизвестную ему литературную среду города. Он был дружески принят и не только вошел, окупился в жизнь кружка, но очень быстро главенствующее положение перешло к нему. Ольга Иеронимовна оставалась гостеприимной хозяйкой, но во главе кружка уже стоял предприимчивый и мощный организатор. В короткий срок стало ясно, что накопившемуся за это время литературному материалу требуется издательская площадка: сначала появился в 1924 г. журнал «Воробей», а уже через год вместо маленького «Воробья» возникло крупное издание, ставшее прообразом будущих журналов и изданий, открывшее путь в литературу для детей многим именам и многим начинаниям, — журнал «Новый Робинзон». Маршак стал центральной фигурой, объединившей и увлекавшей всех тех, кто шел в детскую литературу. Однако эта колоссальная работа во многом еще была связана непосредственно с жизнью кружка, и, естественно, ее площадкой был Герценовский институт.

А что же Ольга Иеронимовна? Интересно посмотреть на две фотографии одного и того же, еще 1922 г. На одной в центре стола — Ольга Иеронимовна, на другой в центре сидит уже Маршак, а Капица сбоку от него. Да и по выражению лица Маршака видно, кто здесь хозяин. Прекрасная и мужественная Ольга Иеронимовна охотно уступила место Маршаку. У нее не было такой деспотической силы, такого напора, какими обладал он. Да и многое их разъединяло: достаточно вспомнить статью Маршака «О наследстве и наследственности в детской литературе», на страницах которой прозвучало требование вымести большой метлой всяких «Маленьких лордов Фаунтлероев», всяческие сентиментальные истории вроде «Серебряных коньков» М. Додж. Возмущение и негодование у него вызывали даже

названия журналов типа «Задушевное слово», «Тропинка». Он строил здание совсем другой литературы, воздадим ему должное и вернемся к Ольге Иеронимовне, к ее колоссальной научной, просветительской, творческой работе. Она стала первым автором программы и первым профессором по курсу «Детская литература» в Герценовском институте. Она предопределила необходимость дальнейшей экспедиционной работы по собиранию и исследованию детского фольклора. Мимо ее, думаю, непревзойденной книжки «Детский фольклор. Изучение. Собираение. Обзор материала» (1928) не прошел ни один исследователь фольклора и детской литературы. Может быть впервые так серьезно был поставлен здесь, в этой книге, вопрос о привлечении к изучению детского фольклора специалистов других областей знаний: лингвистики, этнографии, антропологии. Она стала автором многих книг для детей, проявив себя на этом поприще не только фольклористом, но и замечательным знатоком детства и талантливым писателем.

В архиве О. И. Капица находится около тысячи писем, присланных ей. Прочитанные сегодня, эти письма заново открывают эпоху 1920–1930-х гг. Она была нужна многим и многим, потому что только с ней можно было быть предельно откровенным, к ней обращались за помощью, с ней делились творческими замыслами, она была авторитетом для Б. Житкова и В. Бианки (когда они уже отошли от Маршака). Она оставалась рядом с ухившимся из жизни и пережившим свое время Ф. К. Соллогубом, была добрым гением для погибавшей Л. Чарской, совершенно необходима А. П. Бабушкиной и еще больше Г. С. Виноградову. Повторяю: речь идет о целой эпохе в жизни О. И. Капица.

Ну и, наконец, о главном. Оглядываясь назад, к истокам, Маршак вспомнил согретую буржуйской светлую комнату, большое окно, выходящее на воронихинскую решетку Казанского собора, большой овальный стол, во главе которого сидела Ольга Иеронимовна, и назвал этот стол «колыбелью детской литературы». Остается добавить: неповторимая эта «колыбель» (не знаю больше других аналогов тому, уже легендарному кружку детской литературы) мыслилась как органическая часть жизни показательной библиотеки. А библиотека, в свою очередь, представлялась автору этого уникального проекта базой для широкого комплексного изучения и преподавания детской литературы. Рукописи не горят, но и идеи не пропадают бесследно. Сегодня нам особенно важно об этом вспомнить: не пора ли и нам оглянуться назад, подумать о том, не слишком ли много ценностей мы теряем? Проект показательной библиотеки и детальная его разработка в большей своей части существует только на бумаге, а имя его автора широко известно лишь исследователям фольклора, особенно детского. Может быть, сегодняшний день станет стимулом для изучения наследия О. И. Капица — ученого широкого профиля, фольклориста, педагога, писателя и (вроде мы забыли об этом), *реального* создателя Герценовской, еще и поныне уникальной библиотеки детской литературы. А может быть, можно и должно сделать все возможное, чтобы эта библиотека действительно стала в нашем городе *центром книжной культуры* и базой для многих жизненно важных начинаний!

Т. Г. Фруменкова,
доцент кафедры русской истории

«КРЕЩЕННЫЕ БЛОКАДОЙ...» (Герценовский университет в 1941–1945 гг.)

Важнейшей заслугой руководителей и всего коллектива герценовцев в годы Великой Отечественной войны является то, что им удалось в неимоверно трудных условиях сохранить вуз (в то время Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена), а в конце войны даже создать условия для его дальнейшего развития. Объективные причины (ленинградская блокадная зима 1941–1942 гг., первая и вторая эвакуации) приводили к перерывам между занятиями, которые неизменно возобновлялись, и учебный процесс в целом не прекращался. Такая особенная стойкость закалилась в ходе блокады, поэтому в заголовок статьи и вынесены знаменитые строки О. Ф. Берггольц.

Представим основные вехи военной истории Герценовского института сухими рядами цифр, за которыми скрыта трагическая и героическая судьба сотен и тысяч людей. Общее число студентов всех форм обучения в педагогическом институте и учительском институте на 1 декабря 1940 г. составляло 6599 человек. В институте к началу 1941 г. насчитывалось 1050 сотрудников, 421 из них принадлежал к профессорско-преподавательскому составу.